

Ци Шоулинь сзади массировал ягодицы Чи Яня, хоть он и не обделял его едой, но мяса на нём не прибавилось. Поэтому ягодицы нельзя было назвать округлыми, и уж тем более они не создавали визуального эффекта волн при ударах. Но их упругость тоже имела свою прелесть.

Ноги Чи Яня уже почти не держали его, и Ци Шоулинь просто взял его за бёдра. Чи Янь кончил первым, сперма потекла, и член Ци Шоулиня, протираясь о неё, стал скользким и липким, словно вот-вот начнёт пузыриться. Через некоторое время Ци Шоулинь тоже кончил.

Ци Шоулинь слегка вытер их обоих, сел в своё кресло и усадил Чи Яня к себе на колени, обняв его ноги. Чи Янь только после таких моментов позволял себе быть так близко к нему, прижиматься, их дыхание смешивалось, касаясь ушей друг друга. Ци Шоулинь чувствовал, что держит в руках огонь, тёплый и уютный. После разрядки он расслабился, словно сытый лев, удовлетворённо прикрывая глаза. На губах остались следы то ли апельсинового сока, то ли их смешанной слюны, он медленно слизал их, проведя языком по губам, словно наслаждаясь послевкусием.

Этот каменный лоб всё же не совсем безнадёжен, немного обучения, и он начинает понимать тонкости любви.

— Ладно, поезжай, — хрипло ответил Ци Шоулинь, дав долгожданный ответ Чи Яню. Это было словно «Мы разрешаем».

На самом деле, он не мог не отпустить его домой, но раз уж этот честный парень сам предложил себя, почему бы не воспользоваться?

Ци Шоулинь теперь думал только о двух вещах:

Во-первых, нужно будет держать в кабинете презервативы и смазку.

Во-вторых, он никогда так не ждал окончания новогодних праздников.

*

Чи Янь уходил из дома Ци Шоулиня, когда на улице уже собирался снег. Он отказался ехать на машине Ци Шоулиня, настаивая на том, чтобы самому дойти до дороги и поймать такси.

Он всегда был упрямым, и Ци Шоулинь не стал спорить. Увидев, что он одет только в свитер и куртку, хотел дать ему свой шарф. Чи Янь отказался, сказав, что ему не холодно. Ци Шоулинь же заявил, что ему просто неприятно на это смотреть. Чи Янь пришлось принять шарф.

Идя по дороге, он недоумевал, ведь он же не будет перед глазами Ци Шоулиня, так зачем тому заботиться о его комфорте.

Раньше Чи Янь не носил шарфов, и теперь, надев его, чувствовал себя скованно. Это был тот самый шарф, который Ци Шоулинь надевал, когда они ели суп с говядиной, светло-серый, из кашемира, холодного оттенка, но тёплый на шее. Чи Янь невольно вспомнил, как Ци Шоулинь тогда натянул шарф на нос, оставив видимой только половину лица, и повторил его движение. Теперь воздух, проходящий через шарф, стал теплее, и...

Он пах Ци Шоулинем.

Работа в их маленькой компании тоже подошла к концу, и все постепенно разъезжались по домам. Вань Жуйян и Чжоу Юаньли в этом году ехали к её родителям, Чи Янь попрощался с ними, сделал несколько шагов, затем обернулся и посмотрел на их удаляющиеся фигуры. Чжоу Юаньли шла под руку с Вань Жуйяном, они смеялись и разговаривали.

Хотя раньше она тоже смеялась и разговаривала с Чи Янем, но в её глазах было что-то другое.

Для неё Чи Янь был просто немного неуверенным в себе младшим другом, которому нужна поддержка и руководство.

И ничего больше.

Он, конечно, не знал, что Вань Жуйян и Чжоу Юаньли когда-то обсуждали его. Вань Жуйян спросил её, знает ли она, что Чи Янь давно влюблён в неё. Чжоу Юаньли ответила утвердительно, хоть она и была энергичной и прямолинейной, но за время совместных тренировок в команде по бегу она всё же чувствовала, что Чи Янь относится к ней иначе.

— На выпускном балу я видел, как он ждал тебя, чтобы пригласить на танец. И ждал очень долго... Тогда он, наверное, признался тебе в любви.

— М-м... Почти, но я его остановила.

— А почему ты не дала ему закончить? Хотя бы дала бы шанс.

— Если бы я дала ему шанс, то что бы ты сделал?

— Ничего, просто поцеловал бы тебя у него на глазах.

— Ты такой мерзавец! Ха-ха-ха!

— Скажи... почему ты не дала ему сказать.

— Потому что... я не хотела его ранить... Если что-то заведомо обречено, не стоит давать

надежду. Пока эти чувства находятся в состоянии «кота Шрёдингера», мы можем продолжать дружить без неловкости.

— Он... тот, кто будет изо всех сил стараться, если есть хоть малейший шанс, но он не настолько силён, и кажется, что его всегда ждёт разочарование...

— Я хотела, чтобы он оставил эту «любовь» в своём сердце... Может быть, это даже нельзя назвать «любовью». Возможно, это просто желание отдать все свои чувства тому, кто был к нему добр.

— Ну, я тоже был к нему добр, почему он не влюбился в меня?

— Ты такой самовлюблённый! Наверное, только я одна в этом мире настолько слепа, чтобы любить тебя!

— Не злись... Я просто шучу, продолжай.

— Мне просто кажется, что... будто бы его никогда никто не любил, и если кто-то проявляет к нему немного заботы, он сразу же идёт за ним. Поэтому я всегда напоминаю ему, чтобы он был осторожнее, не открывал своё сердце каждому.

— Если так подумать, в этом есть смысл.

— Вот видишь? Эх... вот я и думаю, что с ним будет дальше...

— Ведь... кажется, его никто не полюбит, не будет заботиться о нём...

Чи Янь тщательно убрался в своей маленькой квартире, затем взял купленные продукты и отправился домой. Сейчас он жил в другом районе Города А, и дорога домой была почти как у тех, кто приезжает из другого города.

Он тяжело поднялся по лестнице, достал давно не использованный ключ и открыл дверь.

— Брат! — первой на звук открывающейся двери отреагировала Чи Мэнцзя, выбежав ему навстречу. Увидев, что сестра больше не красится, волосы собраны в простой хвост, и она стала более жизнерадостной, Чи Янь немного успокоился. Видимо, она больше не общалась с компанией маленьких бандиток.

Чи Янь снял шарф и повесил его, затем громко сказал:

— Папа, я вернулся!

— Папа! Брат вернулся! — Чи Мэнцзя взяла его за руку и повела в дом.

Тань Чэ готовил ужин к Новому году, услышав голос детей, он вытер руки и мягко улыбнулся:

— Вернулся?

— Да, папа, я вернулся. — Чи Янь улыбался, глаза его сверкали.

Отец давно не говорил с ним так мягко и внимательно.

— Сяо И, ты что там делаешь?! Брат вернулся, не прячься! — Чи Мэнцзя крикнула в сторону одной из комнат, и дверь открылась. Чи Янь увидел своего давно не видевшего брата Чи Иляна.

— Брат... — на его белом лице появилась маленькая ямочка.

Хотя ему было всего пятнадцать, и он был одет просто, как Омега, он был невероятно красивым. Его лицо было даже более изысканным, чем у его сестры Беты. Его чистые, незамутнённые мирскими заботами глаза смотрели на тебя, и казалось, что в них — вся вселенная, а ты — её центр.

— Сяо И... ты немного подрос. — Чи Янь улыбнулся и протянул руку, чтобы измерить рост брата.

Он хотел сказать, что тот стал ещё красивее, но передумал и просто упомянул о росте. Хвалить ребёнка за то, что он стал красивее, в других семьях, возможно, было бы комплиментом или просто вежливостью, но в его семье красота была чем-то, что приносило проблемы.

Чи Илян приготовил подарки для брата и сестры: для Чи Мэнцзя — набор для общежития, включая ночник и органайзер для кровати. Для Чи Иляна — набор книг.

Чи Илян с радостью развернул подарок и сразу же начал читать. Чи Янь с нежностью смотрел на него.

<http://bllate.org/book/15527/1380437>